

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71
УДК 811.161.1

**Актуальные неологические процессы
в русском языке новейшего времени
(по материалам социолингвистических интернет-проектов)**

Юлия Александровна МЕЛЬНИК

ФГКВОУ ВО «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации»
123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0705-180X>, e-mail: uliya0783@mail.ru

**Current neological processes in the contemporary Russian language
(on materials of sociolinguistic Internet-projects)**

Uliya A. MELNIK

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russian Federation
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0705-180X>, e-mail: uliya0783@mail.ru

Аннотация. Проанализированы российские проекты «Слово года», «Словарь перемен», «Словарь года» (2014–2017), показывающие, какие лексические единицы находятся в фокусе внимания с точки зрения их значимости и актуальности для членов общества. Слова рассмотрены с точки зрения их принадлежности к актуальной для текущего момента тематической группе, отражающей смысловые доминанты года. Заострено внимание на том, что многие лексические единицы относятся к общественно-политической тематике. Выявлен субъективный принцип формирования словников проектов. Исследованы неологические процессы, маркирующие изменения в лексическом составе современного русского языка. Представленный лексический материал классифицирован по характеру неологических процессов, способу вхождения слова в язык с учетом прогноза возможности его дальнейшего закрепления в языке. Указанная группировка лексики позволяет выявить, что для русского языка новейшего времени являются актуальными следующие процессы: активизация определенных лексико-тематических групп, обусловленная экстралингвистическими факторами; трансформация лексической семантики и сочетаемости; пополнение словаря за счет активных процессов современного словопроизводства и заимствований; креативное использование возможностей языковой системы. Рассмотрены наиболее частотные языковые приемы, используемые для вербализации актуальных явлений, событий, фактов объективной реальности: прием паронимической аттракции, прием контаминации, глагольное словообразование, суффиксация, семантическое переосмысление.

Ключевые слова: неологизм; социолингвистика; «слово года»; актуальная лексика; словообразование

Для цитирования: Мельник Ю.А. Актуальные неологические процессы в русском языке новейшего времени (по материалам социолингвистических интернет-проектов) // Неофилология. 2019. Т. 5, № 17. С. 62-71. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71

Abstract. We analyze Russian projects “Word of the Year”, “Dictionary of Changes”, “Dictionary of the Year” (2014–2017), which show what lexical units are in the focus for their importance and relevance for society members. We analyze words as a current part of the thematic group for present moment that reflects dominant ideas of the meaning of a year. We pay attention to the fact that many words have a social and political orientation. We identify the subjective principle of formation of projects’ lists and study neological processes marking changes in the contemporary Russian language vocabulary. We classify represented lexical material according to the nature of neological processes, the way of a word entering the language considering the possibility of its fur-

ther consolidation the language. Mentioned grouping of lexis enable to identify that the following processes are current for contemporary Russian language: activation of certain lexical-thematic groups with extralinguistic factors, a transformation of lexical semantics and co-occurrence, replenishment of vocabulary due to active processes of modern word creation and borrowing, creative usage of language system possibilities. The most frequent language methods used for verbalization of current phenomena, events, facts of objective reality such as the method of paronymic attraction, the method of blending, verb word formation, suffixation, semantic reinterpretation are considered.

Keywords: neologism; sociolinguistics; “Word of the Year”; current vocabulary; word formation

For citation: Melnik Y.A. Aktual’nyye neologicheskiye protsessy v russkom yazyke noveyshego vremeni (po materialam sotsiolingvisticheskikh internet-proyektov) [Current neological processes in the contemporary Russian language (on materials of sociolinguistic Internet-projects)]. *Neophilologia – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 62-71. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Активное пополнение «словаря времени» является одной из наиболее обсуждаемых проблем в современной лингвистике [1–17]. Новейшие исследования подтверждают, что в последнее время наблюдается дестабилизация лексического фонда, обусловленная, прежде всего, внеязыковыми факторами. Отмечается, что в осмысление активных лексических процессов, в «поиски общего словаря» включаются не только представители лингвистического сообщества, но и люди, далекие от науки [3]. В основном дискуссии о языковых новациях разворачиваются на просторах Интернета, и одним из проявлений этого массового интереса к развитию языка является создание лингвистических интернет-проектов (групп) «Слово года», в которых, в частности, собираются актуальные лексические единицы в режиме реального времени. Слова, находящиеся «в фокусе социального внимания», Е.А. Земская назвала «ключевыми словами эпохи», а Т.В. Шмелева – «ключевыми словами текущего момента» [1, с. 92; 17, с. 63]. Таким образом, актуализация или появление в информационном пространстве какого-либо слова – это «следствие активизации в социальном сознании реалий объективной действительности» [12, с. 124]. С этой точки зрения проекты «Слово года» являются уникальными в своем роде, так как позволяют вести своеобразную «лексическую летопись» эпохи. Фиксируя наиболее значимые слова года, материалы проектов представляются ценными для неологической науки и лексикографии, так как предоставляют возможность точного датирования

вхождения в язык нового слова или возвращения в активный словарь устаревшей лексики. С другой стороны, по рейтингам можно проследить за изменениями в языковой картине мира: «лексические единицы, вошедшие в список «слов года», отражают фокусы общественного внимания «за отчетный период» (с учетом методики сбора материала). Их можно рассматривать в качестве индикаторов социальных изменений, маркеров меняющейся системы ценностей» [3, с. 49].

РОССИЙСКИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Ежегодный конкурс «Слово года» проводится в России с 2007 г. вслед за подобными конкурсами, ставшими традиционными в Германии, США, Франции, Германии, Финляндии и других странах. Так, в Германии выборы «Слова года» (“Wort des Jahres”) проводятся с 1971 г. по инициативе Общества немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache)¹. Победителем на первых выборах стало прилагательное *aufmüpfig* (строптивый, непокорный), популярное в немецких СМИ в 1960-х и 1970-х гг., а в 2015 г. первое место получило слово *Flüchtlinge* (*беглецы, беженцы*), также вошедшее и в российские рейтинги. В 2016 г. победителем стало слово *postfaktisch* (*постправдивый*), описывающее тенденцию последних лет, при которой политические и общественные дискуссии все чаще строятся на эмоциях, ориентированных

¹ Wort des Jahres. URL: <http://gfd.s.de> (дата обращения: 10.10.2018).

на собственную систему ценностей, а не на фактах. В 2017 г. на первом месте оказалось *Jamaika-aus* (*Ямайки не будет*), отражающее непростую ситуацию с формированием нового правительства Германии (в частности, неудачную попытку формирования партийных коалиций) после выборов в бундестаг, прошедших в сентябре 2017 г.

В России первый проект (группа) «Слово года», чье появление было обусловлено общественной потребностью, «социальным заказом», был запущен в 2007 г. в социальной сети Facebook². Позже там же начали функционировать «Словарь перемен» и «Словарь года»³. Отметим, что на российской почве практика собирания актуальных слов получила иное социальное звучание, чем в других странах, в связи со спецификой первичного сбора и последующего отбора лексического материала: в отличие от зарубежных проектов, в выборе русского слова года имеет возможность принять участие любой пользователь сети Интернет. Данный факт позволяет нам, вслед за О.С. Иссерс, отнести данные проекты к социолингвистическим «в силу привлечения значительного числа информантов и экспертов и широкого обсуждения рейтингов в прессе и социальных сетях» [4, с. 40].

Характерно, что вся информация, представленная в социолингвистических группах, является открытой. Любой желающий, имеющий профиль в Facebook, может высказать свое мнение под постом о том или ином лингвистическом материале, оставить комментарий, выразить несогласие или одобрение, поспорить о целесообразности включения слова, словосочетания или фразы в итоговые рейтинговые списки.

Проект «Слово года» впервые был реализован в России в 2007 г. под руководством М. Эпштейна. Голосование идет по нескольким номинациям: «Неологизмы», «Слово года», «Выражение и фразы года» и «Анти-слово года». В номинацию «Лейтмотивы» помещаются слова, выделенные из всех дру-

гих номинаций, объединенные общим смыслом и темой. Победителей определяет экспертный совет, в состав которого входят филологи, лингвисты, писатели, журналисты, культурологи.

Проект «Словарь перемен» был создан писателем М. Вишневецкой в 2011 г. Участники группы предлагают новые слова (выражения и фразы) и голосуют за них, так выбираются наиболее популярные, рейтинг прикрепляется отдельным файлом и доступен для просмотра любому пользователю Сети. Также данный проект проводит голосование на выбор «Слова пятилетия» (2011–2016 гг.). На конец октября 2018 г., по итогам открытого голосования, лидирует слово *троллинг*, вслед за ним идут *селфи*, *фейк* и *крымнаш*.

Проект «Словарь года» создан филологом, главным редактором портала «Словари XXI века» А. Михеевым в январе 2012 г. В группе ежемесячно составляются списки характерных, по мнению руководителя и участников проекта, для данного месяца слов или словосочетаний (обычно связаны с общественно-политическими событиями в стране и в мире). В конце года эти списки формируются в единый помесечный «Словарь года».

В итоговые рейтинговые списки указанных проектов оказывается включенной совершенно разноплановая лексика, которая может быть исследована с разных точек зрения и интересна как лингвистам, так и психологам, и социологам, и политологам.

Задача предпринятого исследования – на материале проектов «Слово года», «Словарь перемен» и «Словарь года» выявить и описать актуальные неологические процессы, происходящих в лексике современного русского языка. В фокусе внимания – более 400 лексических единиц, как повторяющихся, так и уникальных.

АКТУАЛЬНЫЕ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

При изучении ежегодных списков актуальных слов, вошедших в рассматриваемые проекты, отчетливо видна, с одной стороны, социокультурная направленность представленных лексических единиц, с другой – субъективность процедуры их отбора [12,

² Слово года. URL: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda/> (дата обращения: 14.09.2018).

³ Словарь перемен. URL: <https://m.facebook.com/groups/154788204607719> (дата обращения: 14.09.2018); Словарь года. URL: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda> (дата обращения: 14.09.2018).

с. 123]. Слова, актуальные для пользователей исследуемых групп, осмысливают текущий год в определенном ракурсе. Соответственно, при их анализе можно выделить тематическую доминанту календарного года, вокруг которой объединяются лексические единицы, то есть происходит активизация определенных лексико-тематических групп, обусловленная внешними по отношению к языку факторами. Например, в 2014 г. наиболее актуальными были три темы – «Ситуация на Украине» (*ополченцы, ватники, колорады, консерватники, ихтамнеты, крымнг*), «Экономический кризис» (*хамон, пармезан, санкции, изоляция, самоизоляция*), «Олимпиада в Сочи» (*солимпиадить, олимпиад*). В 2015 г., в связи с событиями в Сирии и Украине актуализировались лексические единицы, объединенные темой «Тревожная повестка дня: предчувствие войны» (*война, беженцы, терроризм, гибридная (война), милитаризм; беженцы, Шарли; игилизация, Дамбасск, Новосирия*). Вторая актуальная тема касалась экономической ситуации и может именоваться как «Санкционное противостояние». Репрезентировано лексемами *санкции, антисанкции, санкционка, запрещенка, нежелательность* (о пребывании некоторых иностранных граждан на территории России), *импортозаместитель, продуктобесие, сыронизировать, сыроцид, сыр, шпроты, хамондировка*. Доминанта 2016 г. – это «Мировая политика» (*брекз(с)ит, выборы, трампизм, трампанутый, трампофилы, трампировать, трампункт*), *Трам-пам-пам* (мем), *кибератака*). Тема спорта также нашла свое отражение в лексических единицах рейтингового списка, но имела ярко выраженную негативную окраску и была представлена темой «Допинговый скандал» (*допинг, мельдоний*), а также словом *тулузеры* (именование футболистов российской сборной после проигрыша в Тулузе, где проходил чемпионат Евро-2016). Не имеет явной негативной окраски неологизм *околофутбол*, используемый при обозначении той части спортивной и общественной жизни, которая происходит за пределами футбольного поля. Штрихи к «портрету года» добавляют языковые единицы, относящиеся к социально-культурной тематике, отражающие общую референтную ситуацию года и типичные для

2016 г. явления. Так, в рейтинги входят *покемоны, покемания* (инфоповод: повсеместное распространение игры, суть которой состоит в охоте на виртуальных зверушек; призывы к запрещению этой игры), *лабутены* (инфоповод: огромная популярность песни группы «Ленинград» под названием «На лабутенах»), *тахарруш* (групповое домогательство. Инфоповод: сообщения в СМИ о нападении мигрантов на немок в Кельне и других городах), *фанфурики, боярышник* (инфоповод: массовое отравление граждан суррогатными спиртосодержащими настойками, употребляемыми в качестве альтернативы более дорогому алкоголю из магазина), *корги* (инфоповод: сообщение о том, что московская полиция примет на службу щенков породы корги) и др.

Таким образом, в результате анализа лексических единиц, входящих в словники проектов 2014–2016 гг., удается выявлять основные смысловые доминанты периода, которые обычно концентрируются на теме политики, оставляя практически без внимания события из областей науки, техники, общественной жизни. В связи с субъективностью формирования рейтингов, основывающихся на личном предпочтении (опыте) участников группы в выборе тех или иных лексических единиц и последующем голосовании, отмечается оппозиционная направленность исследуемых проектов.

ГРУППЫ ЛЕКСИКИ/АКТУАЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

С точки зрения причин появления слова в рейтинговых списках и перспектив закрепления в языке весь массив разнопланового лексического материала был разделен на четыре группы. Указанная группировка лексики позволяет выявить, какие процессы являются актуальными для русского языка новейшего времени.

Группа 1. Общеупотребительная актуальная лексика. В первую группу входят слова, ранее существовавшие в языке, понятные носителям языка, но активизировавшиеся в определенный период в связи с каким-либо информационным поводом (например, *беженцы, импортозамещение, война, выборы, допинг, олимпиада*). Слова, входящие в

данную группу, с высокой вероятностью могут претендовать на статус «ключевых слов эпохи».

Группа 2. Ранее известные слова, подвергшиеся семантической трансформации. Вторая группа слов – это лексические единицы, известные ранее, активизировавшиеся в определенный период с трансформацией лексической семантики, приобретением новых семантических приращений, в том числе добавочных экспрессивных смыслов (например, *санкционка*, *Левиафан*, *Левиафания*, *хамон*, *пармезан*, *ополченец*). В данную группу вошли такие слова, как *ватник*, *вата*, *ополченец*, *сепаратист*, ставшие оружием в информационной войне, развернувшейся в медиапространстве с 2014 г. на фоне напряженных российско-украинских отношений. Поднимается проблема «выбора номинации как одного из способов формирования общественного мнения средствами массовой информации» [18, с. 133]. Например, для информирования о конфликте на юго-востоке Украины и именовании части жителей этих территорий российскими средствами массовой информации использовалось слово *ополченец*, а украинскими – *сепаратист*, что связывается, в первую очередь, с наличием коннотативных значений данных слов, не зафиксированных в словарях, а также с особенностями психологического значения слова, не совпадающего со словарным [18, с. 139; 19, с. 208].

Отметим, что наблюдается интересное явление переосмысления идеологически окрашенных лексем с негативной окраской: оскорбительное прозвище трансформируется в самоименование, нейтрализуя за счет этого свой пейоративный потенциал [4]. Так, неологизм *ватник*, появившийся в 2011 г. и несколько лет входивший в рейтинги как уничижительное именование российского патриота, неоднократно обыгрывается в публикациях:

(1) *Небольшая группа профессиональных журналистов снимает расследования и не боится задавать неудобные вопросы представителям власти. Журналисты стараются быть объективными в освещении конфликта на юго-востоке Украины, за это их прозвали сепаратистами и ватниками. Но*

сами себя они называют адекватниками (vesti.ru, 28.03.2015).

(2) *«Так что мы, конечно, ватники, но ватники-адекватники», – утверждает спортивный журналист после хоккейного матча с Канадой (Комсомольская правда – Омск, 18.05.2015).*

Вероятно, процессу нейтрализации данного пейоратива способствовала народная историческая память, так как ватник – специальная теплая стеганая куртка, которую в советские времена носили герои великих строев, а также трудящиеся люди страны.

Группа 3. Новообразования и заимствования. В третью группу включаются слова, появившиеся в контексте реальной ситуации, изменений жизни общества. Они отражают новые общественно-политические коллизии, технологические и иные новинки: *крымнаш*, *ИГИЛ*⁴, *санкционка*, *запрещенка* (запрещенная к ввозу в РФ продукция), *брекзит* (референдум по выходу Великобритании из Европейского союза), *селфи*, *себяшка* (то же, что и *селфи*), *вейп* (электронная сигарета), *гироскутер* (электронное средство передвижения).

Лексика данной группы отражает процесс активизации современного словопроизводства и появления заимствований, за счет чего происходит пополнение словаря современного русского языка. Проект «Словарь перемен» представляет специальный раздел в итоговом рейтинговом списке года именно заимствованной лексики, появившейся в отчетный период.

Отметим, что фактор языковой моды оказывает влияние на процесс заимствования англицизмов. Появление гаджетов, технических новинок обязывает «продвинутого» носителя языка знать, как правильно и можно их именовать. Так появились *вейп* (электронная сигарета), *вейпер* (курильщик электронной сигареты), *вейпинг* (процесс курения электронной сигареты), *гироскутер*, *сегвей* (электронные средства передвижения), *хот-спот* (точка бесплатного беспроводного Интернета), *нормкор* (современная тенденция в моде, характеризующаяся выбором непритязательной одежды, стремлением выглядеть «как все»); новый образ мыслей, отказ от ве-

⁴ Организация является запрещенной на территории России.

дущего к одиночеству культа индивидуализма), *фаббинг* (привычка отвлекаться на мобильные устройства вместо того, чтобы поддерживать разговор с собеседником).

Частотность употребления слова в средствах массовой информации, блогах и соцсетях, с одной стороны, помогает ему приобрести популярность, а с другой стороны, способствует тому, чтобы оно за счет частотности и стандартного употребления уходило из категории модных.

При создании новых слов оказываются популярными модели компрессивного словообразования. Н.Д. Цыганова отмечает, что контаминация является «ведущим способом словотворчества участников специальных интернет-сайтов» [15, с. 16]. Контаминанты имеют метафорический оттенок значения, характеризуются стилистической маркированностью, игровой природой и низким уровнем узуализации, хорошо воспринимаются в контексте. Примеры из словников проектов: *пересидент* (слишком долгое время, с превышением сроков, исполняющий свои обязанности президент), *обсириться* – контаминация жаргонизма «обсериться» (в значении «опозориться») и топонима Сирия. Выборы президента США, в которых победил Д. Трамп, стали отправной точкой для появления большого количества новых слов, образованных от фамилии нового главы государства, некоторые из которых были созданы при помощи рассматриваемого нами приема: *трампункт* («Белый дом»), *трампномика*, *трамплантация*, *трампотрясение*. Также в списке «слов года» оказались такие неологизмы, как *трампизм*, *трампист*, *антитрамповский*, *трампанутый*, *трампофилы*, *трампировать*, созданные узуальными способами – аффиксацией и сложением, а также путем семантического переосмысления: *тРАМПлин*, *трам-пам-пам*. Неологизм *трампизм*, с одной стороны, стал использоваться в значении «индивидуально-авторское слово Д. Трампа», с другой – как обозначение нового вектора развития американской политики.

Отмечается деривационная активность некоторых заимствованных морфем, что объясняется модой на употребление англо-американских заимствований, и потенциалом обобщенной оценки, который в них актуализируется.

Так, продуктивной оказывается финаль *-гейт*, так как с ее помощью часто создаются неологизмы, используемые для именования политических скандалов, связанных с известными персонами, событием, объектом или местом: *диссергейт* и *диссернет*, *оффшоргейт*, *Панам-гейт*. Указанная лексика имеет ярко негативную оценочную окраску, как и многие слова из рейтинговых списков, произведенные при помощи финали *-изм*: *трампизм* (процесс внедрения новым президентом своего курса управления страной и неоднозначные высказывания Д. Трампа), *мочизм* (публичное обливание мочой), *рашизм* (Россия + фашизм, пароним).

Является менее популярным, но все же имеет место глагольное словообразование, часто реализуемое по принципам языковой игры. Глагол позволяет вербализовать целую экстралингвистическую ситуацию, одновременно показав свое отношение к ней, с ярко выраженным прагматическим компонентом. Например: *псакнуть* (от фамилии представителя госдепа США Д. Псаки) – «сказать что-то глупое, невпопад», *сыронизировать*, *импортозамещать* (тема санкций). В разные годы появлялись такие слова, как: *скрымздить*, *солимпиадтить*, *свиолончелить* в значении «украсть», но имеющие отношение к разным событиям. В 2014 г. был очень популярен глагол *ванговать*, чаще употреблявшийся в первом лице единственного числа с ироничным подтекстом (от имени известной болгарки Ванги, которую некоторые люди называют провидицей) – «знать, что произойдет в будущем».

Отметим, что социолингвистические проекты «Слово года» не только отражают конкретные события, реалии, поведение и высказывания отдельных личностей, но и фиксируют отношение общества к ним. Об этом свидетельствует субъективный принцип отбора лексических единиц, словосочетаний и фраз, а также включение в итоговые словники проектов как нейтральных, так и оценочных номинаций. Например: *санкции*, *импортозамещение*, *сыр*, *шпроты* – *санционка*, *сыронизировать*, *сыроцид*, *продуктобесие*. В данном случае ярко проявляется «прагматика лингвистического креатива», которая предполагает использование таких средств воздействия или убеждения, «кото-

рые формируют у члена социума определенный взгляд на освещаемое событие, факт» [20, с. 13]. Отметим, что единицы с отрицательно-оценочным (пейоративным) значением составляют довольно многочисленную группу.

Группа 4. Авторские неологизмы. Четвертая группа – авторские неологизмы, создаваемые при помощи способов и приемов языковой игры; чаще всего в рамках определенного контекста. Например, слово *руссиано* – русский «патриотический» кофе – вошло в информационное пространство и стало использоваться при создании мемов после того, как **премьер-министр Российской Федерации Д.А. Медведев призвал отказаться от именованния кофе «американо»** в пользу «руссиано». Произошло это 16 ноября 2016 г. в ходе Евразийского межправительственного совета в Москве и получило мгновенное распространение в СМИ⁵.

Наиболее популярный способ авторского словообразования – контаминация: *плебсикон* (словарный запас человека с низкой речевой культурой), *лайкдорфин* (гормон «фейсбучного» счастья, вырабатывающийся при большом количестве лайков под постом), *советошь* (нечто ветхое, оставшееся еще с советских времен), *соцсед*, *соцседка* (приятель, сосед по соцсети или тот, кто постоянно сидит в соцсети), *лайчуций* (жаждущий лайков, пароним к *алчуцие*), *русальгия* (тоска по России, по всему русскому), *зловцо* (злое словцо), *гуглопытничать* (искать информацию в Интернете), *захажер* (человек, который заходит в гости ненадолго).

Придуманые автором «по случаю» и, как правило, не поддержанные в речевом узусе, подобные неологизмы позволяют словотворцу высказать свое отношение к явлениям действительности и самовыразиться лингвистическим способом. Обращение к корпусному материалу (Медиалогия)⁶ позволяет определить, что данная лексика практически не используется в текстах СМИ, в исключительных случаях встречается в публикациях, касающихся самих рейтингов «Слова года» при подведении итогов уходящего го-

да, в том числе и лингвистических. Отметим, что сами авторы дают дефиниции слову, используют в публикациях, стараются всячески популяризовать неологизм.

ВЫВОДЫ

Как показали наши наблюдения, материал социоллингвистических проектов является репрезентативным источником сведений о неологических процессах в словарном составе русского языка и в качестве «хранилища» слов, отражающих эпоху, ее «вкус», «цвет», «запах». Образцы из словников проектов, представленные выше, являются иллюстрацией тех изменений, которые отмечают исследователи неологической лексики на другом материале (в первую очередь, в медиадискурсе). В то же время следует иметь в виду, что рейтинги отражают далеко не все активные процессы, свойственные лексическому составу языка, а лишь некоторые из них.

Активизация процесса неологизации современного русского языка связана с появлением и распространением Интернета, так как значительный вклад в процесс изменения лексики вносят СМИ и обычные люди – пользователи Сети.

В словники проектов включается лексика, которая, по мнению участников группы, является знаковой для того или иного периода. Отмечается оппозиционная направленность проектов, вследствие чего большая часть лексики проектов имеет общественно-политическую направленность. В итоговые словники стабильно включаются лексические единицы, содержащие яркие оценочные коннотации. Это объясняется стремлением социально активной части общества к выражению оценки факта, явления или события.

Учитывая причины появления слова в рейтингах и прогнозируя его возможное закрепление в языке, мы считаем возможным выделить несколько групп слов, объединенных по характеру неологических процессов и одновременно позволяющих сделать прогноз их неологического статуса. Данная группировка лексики проектов отражает основные неологические процессы в лексическом составе языка, выявленные на рассматриваемом материале: активизацию определенных лексико-тематических групп, трансформа-

⁵ Володин М. Шутка Медведева о «кофе русиано» в считанные часы стала интернет-мемом. URL: <http://kr.ru/daily/26608/3624786/> (дата обращения: 17.10.2018).

⁶ Электронная база СМИ.

цию лексической семантики и сочетаемости, пополнение словаря за счет активных процессов современного словопроизводства и заимствований, креативное использование

возможностей языковой системы, реализуемое, в частности, в индивидуально-авторском словотворчестве.

Список литературы

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90-141.
2. Иссерс О.С. Дискурсивные игры «Болотного периода» // Русистика. 2013. № 13. С. 10-13.
3. Иссерс О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48-53.
4. Иссерс О.С. От серьезного – до смешного: игровой потенциал российского слова года // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 25-31.
5. Иссерс О.С., Орлова Н.В. Две модели гражданского общества в современных массмедиа: взгляд лингвиста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1 (46). С. 121-127.
6. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Импортзамещение // Русский язык за рубежом. 2015. № 4 (251). С. 114-117.
7. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Сыр // Русский язык за рубежом. 2016. № 2 (255). С. 119-121.
8. Виданов Е.Ю. Семантический и деривационный потенциал ключевого слова эпохи, или страсти по олимпиаде // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 85-91.
9. Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Ё., Радченко М.В. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 1. С. 1-12.
10. Мельник Ю.А. Лингвистический портрет текущего момента: вне политики (на материале проекта «Слово года-2015») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 53-56.
11. Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н. Семантические вариации актуальных слов: лексемы экстремизм и терроризм в современном русском языке // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 252-258.
12. Мустайоки А., Вальтер Х., Вепрева И. Феномен актуального слова 2015 года // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 4. С. 121-133.
13. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб.: Златоуст, 1999. 247 с.
14. Цонева Л. Слово года «крымнаш» в русском медиадискурсе // Studia Russica Slovaca: Universitas Catholica Rosenbergensis. Ružomberok, 2015. P. 30-38.
15. Цыганова Н.Д. Полиаспектное описание неолексем (по материалам словотворческих интернет-сайтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 22 с.
16. Черникова Н.В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты // Филологические науки. 2007. № 6. С. 71-80.
17. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63-67.
18. Татарникова Н.М. Ополченец в сознании носителей русского языка (по данным свободного ассоциативного эксперимента) // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 133-141.
19. Татарникова Н.М. Как номинация в СМИ влияет на тезаурус личности // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 3 (25). С. 204-209.
20. Грдина Т.А., Коновалова Н.И. «Куда идем? Большой вопрос...»: прагматика креатива в современном медийном дискурсе // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2013. № 3 (22). С. 13-20.

References

1. Zemskaya E.A. Aktivnye protsessy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes of modern word creation]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of Late 20th Century (1985–1995)]. Moscow, Yazyky russkoy kultury Publ., 1996, pp. 90-141. (In Russian).

2. Issers O.S. Diskursivnye igry «Bolotno go perioda» [Discursive game of “Bolotnyy period”]. *Rusistika* [Russian Studies]. Kiev, 2013, no. 13, pp. 10-13. (In Russian).
3. Issers O.S. V poiskakh obshchego slovary: diskursivnyye praktiki noveyshego vremeni cherez prizmu proyektov «Slovo goda» [In search of common vocabulary: contemporary discursive practices through the prism of projects “Word of the year”]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2014, no. 4 (50), pp. 48-53. (In Russian).
4. Issers O.S. Ot seryoznogo – do smeshnogo: igrovoy potentsial rossiyskogo slova goda [From serious stuff – to funny things: language pun potential of the Russian “Word of the year”]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2015, no. 4, pp. 25-31. (In Russian).
5. Issers O.S., Orlova N.V. Dve modeli grazhdanskogo obshchestva v sovremennykh massmedia: vzglyad lingvista [Two models of civil society in modern mass media: the linguistic view]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 1 (46), pp. 121-127. (In Russian).
6. Vepreva I.T., Kupina N.A. Importozameshcheniye [Import substitution]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 2015, no. 4 (251), pp. 114-117. (In Russian).
7. Vepreva I.T., Kupina N.A. Syr [Cheese]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*, 2016, no. 2 (255), pp. 119-121. (In Russian).
8. Vidanov E.Y. Semanticheskii i derivatsionnyy potentsial klyuchevogo slova epokhi, ili strasti po olimpiade [Semantic and derivative potential of the epoch keyword, or passion for the Olympics]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii – Ural Journal of Philology. Psycholinguistics in Education*, 2014, no. 2, pp. 85-91. (In Russian).
9. Makarova E.M., Ratsibyrskaya L.V., Issers O.S., Melnik Y.A., Zaytseva I.P., Sipko Y., Radchenko M.V. Rol' SMI v demokratizatsii i kreativizatsii sovremennogo russkogo yazyka (krugliy stol) [The role of mass media in the democratization and creativitization of the modern Russian language (round table)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow State Regional University*, 2017, no. 1, pp. 1-12. (In Russian).
10. Melnik Y.A. Lingvisticheskiy portret tekushchego momenta: vne politiki (na materiale proyekta «Slovo goda-2015») [Linguistic portrait of the current moment: outside politics (on the material of projects “Word of the year-2015”)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], 2017, no. 2 (15), pp. 53-56. (In Russian).
11. Mikhaylova O.A., Mikhaylova Y.N. Semanticheskiye variatsii aktual'nykh slov: leksemy ekstremizm i terrorizm v sovremennom russkom yazyke [Semantic variations of urgent vocabulary: lexemes extremism and terrorism in Modern Russian]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2015, no. 1 (51), pp. 252-258. (In Russian).
12. Mustayoki A., Walter H., Vepreva I. Fenomen aktual'nogo slova 2015 goda [Word of the year 2015]. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 121-133. (In Russian).
13. Kostomarov V.G. *Yazykovoy vkus epokhi: Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy massmedia* [Language Taste of the Era: from Observations on the Speech Practice of Mass Media]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999, 247 p. (In Russian).
14. Tsoneva L. Slovo goda «krymnash» v russkom mediadiskurse [Word of the Year “Crimea is our” in Russian media discourse]. *Studia Russico Slovaca Universitas Catholica Rosenbergensis*. Ružomberok, 2015, pp. 30-38. (In Russian).
15. Tsyganova N.D. *Poliaspektnoe opisaniye neoleksem (po materialam slovtvorcheskikh internet-saytov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Polyaspect Description of Neo-Lexical Units (on the Materials of Word Creative Internet Web-Sites). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Abakan, 2015, 22 p. (In Russian).
16. Chernikova N.V. Aktual'nyye kontsepty i ikh leksicheskiye reprezentanty [Current concepts and their lexical representation]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 2007, no. 6, pp. 71-80. (In Russian).
17. Shmeleva T.V. Krizis kak klyuchevoye slovo tekushchego momenta [Krizis (crisis) as the key word of the present moment]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2009, no. 2 (28), pp. 63-67. (In Russian).
18. Tatarnikova N.M. Opolchenets v soznanii nositeley russkogo yazyka (po dannym svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta) [A militiaman in consciousness of russian native speakers (according to data from a free associative experiment)]. *Kommunikativnyye issledovaniya – Communicative investigations*, 2017, no. 1 (11), pp. 133-141. (In Russian).
19. Tatarnikova N.M. Kak nominatsiya v SMI vliyayet na tezaurus lichnosti [Influence of media nomination on thesaurus of a personality]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri – Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 2016, no. 3 (25), pp. 204-209. (In Russian).

20. Gridina T.A., Konovalova N.I. «Kuda idem? Bol'shoy vopros...»: pragmatika kreativa v sovremennom mediynom diskurse [“Where are we going? The big question is...”: pragmatics of creativity in the modern media discourse]. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Journal of Philology. Series: Language. System. Personality: Creative Linguistics], 2013, no. 3 (22), pp. 13-20. (In Russian).

Информация об авторе

Мельник Юлия Александровна, преподаватель кафедры русского языка. Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: uliya0783@mail.ru

Вклад в статью: разработка дизайна исследования, написание статьи.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0705-180X>

Поступила в редакцию 12.12.2018 г.

Поступила после рецензирования 10.01.2019 г.

Принята к публикации 20.02.2019 г.

Information about the author

Uliua A. Melnik, Lector of Russian Language Department. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: uliya0783@mail.ru

Contribution: study design development, manuscript drafting.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0705-180X>

Received 12 December 2018

Reviewed 10 January 2019

Accepted for press 20 February 2019